

История

“Белый террор” на Тайване (реконструкция событий 50-х гг. XX в.)

© 2009

А. Кузьмина

В данной статье впервые в отечественной историографии предпринята попытка комплексного исследования такого малоизученного аспекта начального периода правления Гоминьдана на Тайване, как массовые политические репрессии, обрушившиеся как на коренных жителей Тайваня, так и эвакуировавшихся на остров после 1949 г. выходцев с материка. Данное явление получило в литературе название “белого террора” (байсэ кунбу) на Тайване. Его исследование представляется особенно важным, учитывая современную острую идейно-политическую борьбу по вопросу о будущем “Китайской Республики”.

Ключевые слова: Тайвань, Гоминьдан, “белый террор”, репрессии

История XX в. полна трагических событий, среди которых массовые репрессии по отношению к инакомыслящим оставили глубокие раны, не зажившие до сих пор. Так, в частности, отечественные и зарубежные китаеведы посвятили немало трудов так называемому “красному террору” в КНР. При этом, как широким массам, так и исследователям в силу ряда причин крайне мало известно об аналогичных событиях (хотя в гораздо меньших масштабах) в Китайской Республике на Тайване после 1949 г. Между тем, данная тема имеет важное значение для современного тайваньского общества, особенно в свете борьбы за власть между основными политическими партиями на острове (Гоминьдан — Национальная партия Китая и Миньцзиньдан — Демократическая прогрессивная партия), а также в свете проблемы эволюции “тайваньской идентичности”.

Данная статья ставит своей целью проследить основные события и проанализировать особенности политических репрессий на Тайване (так называемого “белого террора”) в 50-е гг. XX в.

Определение понятия “белый террор”

Понятие “белый террор” изначально возникло для описания политики гоминьдановского правительства еще до эвакуации ГМД на Тайвань. В Китае под “белым террором” подразумевают, прежде всего, репрессии против коммунистов, развернутые ГМД в апреле 1927 г. и продолжавшиеся на протяжении

30-х гг. XX в. вплоть до начала Антияпонской войны в 1937 г. и создания “единого фронта” Компартии и Гоминьдана в целях сопротивления японской агрессии.

Как известно, 12 апреля 1927 г. вооруженные формирования ГМД при поддержке членов подпольного общества “Зеленый синдикат” по приказу Чан Кайши атаковали рабочие кварталы Шанхая, находившиеся под контролем левых профсоюзов, где было сосредоточено большое количество рабочих пикетов коммунистов. За первые два дня переворота в Шанхае погибло до 5 тыс. чел., столько же было арестовано и ранено. Данные события стали началом широкомасштабных чисток среди деятелей Компартии и сочувствующих ей членов ГМД по всей стране, которые получили название “белого террора”. Количество жертв, по разным данным, составляет от нескольких десятков до нескольких сотен тысяч человек.

В настоящее время, говоря о “белом терроре”, тайваньские авторы имеют в виду преследования правительством ГМД элементов, выступающих против официальных властей. Причем репрессии были направлены как против активистов “левого” движения на острове в 50-е гг. XX в., так и против сторонников независимости Тайваня в последующие периоды вплоть до отмены военного положения в 1987 г.

Определение временных рамок “белого террора” на Тайване

Для большинства исследователей “белый террор” — это весь период действия военного положения на Тайване, т.е. период с 1949 по 1987 гг. Однако “белый террор” можно разделить на несколько этапов, различающихся между собой по количеству расстрелянных, по характеру обвинений, предъявляемых заключенным, и по некоторым другим факторам.

Как нам кажется, довольно логичную периодизацию предлагает Цзян Тяньлу в своей работе “Белый террор в Тайване”. Он определяет временные рамки “белого террора” отрезком между 1949 и 1987 гг. При этом он отмечает, что в 1950—1956 гг. было физически устранено наибольшее количество политических заключенных. Главными объектами репрессий в это время были “левые элементы”, а также люди, выступавшие против политики ГМД (в том числе и члены самой правящей партии). Границы этого периода, по мнению Цзян Тяньлу, можно обозначить с инцидента 6 апреля 1949 г.¹ и продлить до дела Лэй Чжэня 1960 г.² С 1960 по 1976 г. обвинений в приверженности коммунистическим идеям по-прежнему много, но все большее количество людей подвергается аресту за выступления в пользу независимости Тайваня. И, наконец, период с 1976 по 1987 гг. является временем, когда большинство политических заключенных принадлежали к активистам “беспартийного движения”³.

Репрессии приобрели массовый характер после начала Корейской войны в июне 1950 г., когда благодаря введению в Тайваньский пролив Седьмого флота США угроза нападения с материка была отведена от Тайваня, а гоминьдановские чистки среди приверженцев коммунизма, если и не стали пользоваться прямой поддержкой американцев, то проводились с их молчаливого согласия.

Определение временных рамок “белого террора” в историографии зачастую зависит от политических убеждений тех или иных авторов. Как уже указывалось выше, природа обвинений, предъявляемых арестованным, в разные периоды “белого террора” была различной. Так, политические заключенные 1950-х гг., многие из которых до сих пор придерживаются “левых” взглядов и выступают за объединение Тайваня с материковым Китаем, ограничивают рамки периода “белого террора” 1950-ми гг. В отличие от этой группы, бывшие политические заключенные последующего периода, в основном поддерживающие

независимость Тайваня, считают, что определение “белый террор” относится ко всему периоду действия военного положения на острове.

Следует особо остановиться на стремлении многих исследователей и значительной части населения Тайваня отсчитывать начало “белого террора” с пресловутого “инцидента 28 февраля 1947 г.”. Это объясняется тем, что признание тайваньским правительством ответственности за события 1947 г. случилось несколько раньше, чем началось движение за реабилитацию политических заключенных периода военного положения. Тайваньцы больше наслышаны о событиях 28 февраля 1947 г., чем о “белом терроре” 1950-х гг. К тому же, с первого взгляда и то, и другое можно квалифицировать как репрессии со стороны правительства ГМД по отношению к населению Тайваня. Однако между этими двумя явлениями налицо существенная разница.

Во-первых, с точки зрения положения ГМД, следует отметить, что в 1947 г. он все еще являлся законным правительством всего Китая, его поражение в борьбе с КПК к тому времени не было очевидным. Однако после 1949 г. — это уже правительство в изгнании, которое пусть и смогло “облегченно вздохнуть” после начала Корейской войны, но все же продолжало ощущать угрозу нападения с материка.

Во-вторых, если абстрагироваться от причин инцидента 28 февраля (т.е. от неэффективной политики китайского правительства на Тайване, которая вызвала недовольство населения) и от жестокости войск ГМД при расправе над участниками указанных событий, то следует признать, что это было реальное восстание против власти, которая подавила этот мятеж при помощи армии. Репрессии же 1950-х гг. были мотивированы не реальным, а вероятным “коммунистическим мятежом”, что стало причиной появления большого количества “ложных”, “ошибочных” и “несправедливых” дел и процессов.

Наконец, по нашему мнению, нельзя воспринимать всерьез мнение некоторых тайваньцев, которые считают, что суть “белого террора” заключалась в подавлении “вайшэнжэнями” прав “бэньшэнжэней”⁴. Хотя это относительно справедливо для событий 28 февраля, но не относится к 1950-м гг., когда наряду с представителями коренного населения острова было репрессировано и значительное количество выходцев с материка. Вот как описывает отношение “вайшэнжэней” к “бэньшэнжэням” один из бывших политических заключенных: “Они [“вайшэнжэни”] постоянно твердили, что мы [“бэньшэнжэни”] их соотечественники. На самом деле, они относились к нам еще хуже, чем японцы. Все чиновничьи должности, все права, все выгоды были захвачены ими. Они превратили тайваньцев в орудие [своей политики], в рабов, считая их людьми низшего сорта. Они говорили, что тайваньцы не понимают Китай, не понимают китайскую культуру, что тайваньцы не участвовали в Антияпонской войне”⁵.

Законодательное оформление “белого террора”

Базовыми документами, представлявшими законодательную основу для проведения “белого террора” на Тайване, стали “Декрет о введении военного положения на Тайване”, “Временные положения, действительные на период мобилизации для подавления коммунистического мятежа” и “Положения о наказании мятежа”.

“Закон о военном положении” был издан в Китае еще в 1934 г., однако только 10 декабря 1948 г. президент Китайской Республики Чан Кайши объявил о введении военного положения по всему Китаю, за исключением Тайваня, Синьцзяна и Тибета. 19 мая 1949 г. Генеральный штаб Тайваньского гарнизона, в

свою очередь, опубликовал “Декрет о введении военного положения на Тайване”, который вступал в силу 20 мая того же года.

Согласно этому документу, в главных портах острова — Цзилуне и Гаосюне — вводился комендантский час; объявлялся запрет на проведение собраний, демонстраций, забастовок, бойкотирования занятий в учебных заведениях, на подачу петиций, ношение оружия; гражданам необходимо было всегда иметь при себе удостоверение личности. Тайваньский гарнизон получал полномочия на запрет лекций, периодических изданий, книг; на вскрытие и арест писем и телеграмм; на осмотр средств транспорта и их пассажиров; на ограничение или запрет религиозной деятельности; на изъятие в случае необходимости недвижимого имущества граждан; на проверку и конфискацию продовольствия и других общественных ресурсов и т.д. За совершение таких преступлений, как распространение ложных слухов, подстрекательство к мятежу, дезорганизация финансовой системы, разбой и кражи, серьезное нарушение порядка в результате забастовок, полагалась смертная казнь⁶.

Режим военного положения на Тайване действовал на 38 лет, дольше, чем где бы то ни было, и был отменен указом президента Китайской Республики Цзян Цзинго лишь 14 июля 1987 г.

“Временные положения, действительные на период мобилизации для подавления коммунистического мятежа”, были документом, заменившим многие положения Конституции Китайской Республики, принятой в 1947 г. В частности, согласно этому закону, в “период мобилизации для подавления коммунистического мятежа”, президенту предоставлялись особые полномочия, в том числе он и вице-президент могли переизбираться на свои посты неограниченное количество раз. Это противоречило конституции, где было оговорено возможность для одного кандидата становиться главой государства лишь два раза подряд⁷.

24 мая 1949 г. Законодательный юань принял “Положения о наказании мятежа”, которые применялись к политическим преступникам. В отличие от гражданских и уголовных дел, которые рассматривались в обычных судах, решения по процессам, связанным с нарушением какого-либо положения данного документа, выносились в военном суде в секретном порядке. Согласно 2-й статье “Положений”, за совершение преступлений, указанных в ст. 100 п. 1, ст. 101 п. 1, ст. 103 п. 1, ст. 104 п. 1 Уголовного кодекса Китайской Республики, полагалась смертная казнь. Первые две статьи относились к преступлениям, связанным с мятежом внутри страны, две последние касались вторжения извне. Их содержание состоит в следующем:

Ст. 100, п. 1: “Лица, совершившие такие преступления, как замышл раз-
рушения государственной системы, незаконный захват государственной территории, изменение Конституции страны незаконными методами или попытка свержения правительства, подлежат лишению свободы на сроки свыше 7 лет; лица, являющиеся руководителями этих замыслов, приговариваются к пожизненному заключению”.

Ст. 101, п. 1: “Лица, поднявшие мятеж для совершения преступлений, указанных в ст. 100 п. 1, приговариваются к пожизненному заключению или лишению свободы на сроки свыше 7 лет; лица, являющиеся руководителями этих замыслов, подлежат смертной казни или приговариваются к пожизненному заключению”.

Ст. 103, п. 1: “лица, вступающие в сговор с иностранцами или с присланными из заграницы людьми, стремящиеся спровоцировать войну между Китайской Республикой и любым другим государством, подлежат смертной казни или приговариваются к пожизненному заключению”.

Ст. 104, п. 1: “лица, вступающие в сговор с иностранцами или с присланными из заграницы людьми, стремящиеся присоединить территорию Китайской Республики к другому государству, подлежат смертной казни или приговариваются к пожизненному заключению”⁸.

Все люди, совершившие или попытавшиеся совершить вышеуказанные преступления, согласно 1 статье “Положений о наказании мятежа”, принадлежат к числу “мятежников”⁹.

В данном документе указан еще целый ряд преступлений, за совершение которых полагалась смертная казнь. Среди них — передача “мятежникам” секретной военной информации, денежных или иных средств; укрывательство “мятежников” и т.д.¹⁰

“Положения о выдаче и ликвидации коммунистических шпионов в период подавления коммунистического мятежа”, опубликованные 13 июня 1950 г., также являются одним из основополагающих документов эпохи “белого террора”. Под “коммунистическими шпионами” в нем подразумевались “мятежники”, указанные в “Положениях о наказании мятежа”, либо лица, вступающие с ними в сговор.

Этот документ фактически узаконил слежку и доносительство друг на друга. В нем существовала отдельная статья, согласно которой лицам, выдавшим “коммунистического шпиона”, а также сотрудникам спецслужб, раскрывшим соответствующее дело, полагалась премия, выплачиваемая из государственной казны¹¹. Это, по мнению многих бывших политических заключенных и исследователей “белого террора”, способствовало появлению огромного количества “ложных”, “ошибочных” и “несправедливых” процессов.

Исполнители “белого террора”: спецслужбы ГМД, политработники в армии и в гражданских организациях

Основными исполнителями политических репрессий на Тайване были спецслужбы ГМД, а также Управление охраны порядка Тайваньского гарнизона. Оно включало в себя военный отдел, отдел охраны порядка и полицейский отдел, каждый из которых занимался борьбой с “коммунистической инфильтрацией”¹². В 1958 г. Управление охраны порядка Тайваньского гарнизона было объединено с Главным управлением обороны Тайваньского гарнизона, Управлением гражданской обороны Тайваньского гарнизона, Управлением Тайбэйского гарнизона и преобразовано в Генеральное управление Тайваньского гарнизона.

Система органов разведки на Тайване была довольно разветвленной и сформировалась на основе спецслужб ГМД, существовавших на материке еще до эвакуации оттуда правительства Китайской Республики. Так, прообразом Секретного управления при Министерстве обороны была военная разведка (цзюньтун), а Бюро расследований при министерстве внутренних дел в свою очередь базировалось на партийной разведке (чжунтун)¹³.

Секретное управление и Бюро расследований наряду с Управлением охраны порядка Тайваньского гарнизона, Управлением жандармерии и Полицейским управлением провинции Тайвань являлись основными органами, сотрудники которых осуществляли арест политических преступников и вели соответствующие дела. Все они, в свою очередь, подчинялись созданной в 1950 г. во главе с Цзян Цзинго Группе документации при Секретном кабинете администрации Президента, которая в 1954 г. была преобразована в Бюро государственной безопасности.

Говоря о спецслужбах ГМД в 1950-е гг., многие исследователи отмечают, что функции Секретного управления и Бюро расследований были фактически идентичными. Существует мнение, что это приводило к конкуренции между

двумя органами, которая поощрялась Чан Кайши. Так ему было легче держать спецслужбы под контролем¹⁴. Борьба между сотрудниками разных органов разведки приводила к появлению “ложных” процессов, в ходе которых людям, чьей профессией являлась борьба с коммунизмом, предъявлялись обвинения в попытке “коммунистического мятежа”. Так произошло, например, с начальниками отделов Бюро расследований Фань Цзывэнем и Ли Шицзе¹⁵.

В 1955 г. Цзян Цзинго провел реформу в спецслужбах, в результате которой Секретное управление было переименовано в Разведывательное управление. Оно по-прежнему находилось в ведении министерства обороны, но его функции претерпели значительные изменения. Разведывательное управление должно было заниматься активной разведкой, ликвидация “коммунистических шпионов” и обеспечение внутренней безопасности больше не входили в его обязанности. Бюро расследований переходило в ведение министерства юстиции, его основными задачами стали судебные расследования и контрразведка.

По мнению большинства историков, на Тайване в 1950-е гг. насчитывалось 50—60 тыс. сотрудников спецслужб¹⁶. Большинство из них являлись выходцами с материка, однако среди рядовых сотрудников было также немало “бэньшэньжэней”, о чем свидетельствуют в своих воспоминаниях многие бывшие политические заключенные.

Спецслужбам удалось поставить под свой контроль фактически все сферы деятельности тайваньского общества. Одним из проявлений этого тотального контроля было наличие системы политических работников как в армии, так и практически во всех гражданских организациях и учебных заведениях. Так, например, существовало правило, что каждое крупное предприятие должно было приглашать в кадровый отдел военнослужащего в отставке либо сотрудника служб безопасности. В 1951 г. на Тайване был создан специальный Институт по подготовке политработников, которым долгое время руководил генерал Ван Шэн, один из наиболее приближенных к Цзян Цзинго людей еще со времен гоминьдановского правления на материке. Выпускники института после окончания обучения распределялись в основном в различные военные подразделения, где они отвечали за работу партийных организаций и политическое воспитание военнослужащих. В их обязанности входило следить за тем, нет ли в войсках нежелательности руководству и не ведется ли там подрывная деятельность. Повышение военных в чине также зависело от мнения политработника.

В учебных заведениях политработники контролировали слова и мысли студентов и преподавателей как на занятиях, так и в процессе деятельности различных студенческих объединений по интересам (“шэтуань”). Спецслужбы часто внедряли в студенческий коллектив своих сотрудников, которых называли “профессиональными студентами” (“чжие сюэшэн”). Так, например, один из американских исследователей, преподававших на Тайване, отмечает, что в каждой группе имелся такой студент-шпион, и даже был случай, когда преподавателя-американца “попросили” покинуть Тайвань из-за его критических взглядов и высказываний¹⁷. Сотрудники спецслужб внедрялись также в тюрьмы, в ряды заключенных.

В данной связи представляется необходимым затронуть вопрос о роли Цзян Цзинго в описываемых событиях. Его образ в послевоенной истории Тайваня представляется двойственным. Как известно, на данный момент он — самый почитаемый лидер Китайской Республики на Тайване. По своей популярности среди населения острова Цзян Цзинго значительно превосходит своего отца. Большинство тайваньцев связывают его имя с экономическими и политическими успехами Китайской Республики в 70-80-е гг. XX в. С другой стороны, именно Цзян Цзинго возглавлял спецслужбы ГМД в период наиболее интенсивных репрессий.

Некоторые возлагают на него всю ответственность за “белый террор”. На наш взгляд, в рассматриваемый период главным идеологом политики на Тайване был Чан Кайши. Он по понятным причинам наиболее остро переживал потерю материка Гоминьданом. Однако Цзян Цзинго был его ближайшим соратником и действительно играл важную роль в осуществлении стратегии развития Китайской Республики. Многие отмечают влияние его 12-летнего пребывания в СССР на его действия в качестве одного из руководителей государства (в частности, организация спецслужб и степень их вмешательства во все сферы общественной жизни, жестокое подавление инакомыслящих методами террора и др.). Цзян Цзинго последовательно проводил в жизнь политику, направленную на укрепление власти ГМД на острове с целью последующего возвращения в материковый Китай. Однако к моменту, когда он возглавил Китайскую Республику, она как раз переживала дипломатический кризис, который серьезно изменил курс развития Тайваня.

Объекты преследования властей в 50-е гг. XX в.

“Левое” движение

Цзян Тяньлу в своем исследовании отмечает, что объекты преследования со стороны властей в 1950-е гг. можно разделить на три группы: 1) представители “левого” движения во время японского колониального господства на Тайване (1895—1945); 2) активисты инцидента 28 февраля 1947 г.; 3) присланные с материка организаторы коммунистического движения на острове¹⁸. В целом с исследователем можно согласиться, внося некоторые уточнения.

Что касается участников событий 28 февраля 1947 г., то большинство из них были наказаны сразу же после подавления восстания. ГМД, эвакуируясь на Тайвань после поражения на материке, осознавал, что одной из проблем, с которыми ему придется столкнуться на острове, является негативное отношение коренных тайваньцев к “вайшэнжэням”. Чтобы смягчить напряженность отношений между ними, на протяжении 1950 г. несколько раз проводились амнистии заключенных, арестованных за участие в инциденте 28 февраля. Эти меры, видимо, не имели значительного эффекта. Разочарование в ГМД у тайваньского населения сохранялось, из-за чего многие активисты инцидента 28 февраля начинали обращаться к левым идеям, чем вновь навлекали на себя гнев со стороны гоминьдановского правительства. О весьма широком увлечении тайваньской молодежи коммунизмом в 1947 г. свидетельствуют в своих воспоминаниях многие бывшие политические заключенные. Лу Чжаолин, в частности, отмечает, что в начале 1950-х гг. большинство представителей тайваньской интеллигенции, в том числе деятелей культуры и студентов, принадлежали к “левому” лагерю¹⁹. В 1945 г. большинство жителей Тайваня испытывали радость в связи с возвращением острова в “лоно Родины” и с надеждой приветствовали войска ГМД, несмотря даже на отсутствие у них “воинского облика”. Но ожидания этих людей не оправдались.

Говоря о группе представителей “левого” движения во время японского колониального господства, которые не эмигрировали с Тайваня, нужно отметить, что она была достаточно малочисленной, хотя многие из этих людей действительно погибли в результате репрессий 1950-х гг.²⁰

Однако основным объектом репрессий ГМД в рассматриваемый период были представители “левого” движения, существовавшего на острове после 1945 г. По официальным данным, с 1946 по 1949 в семнадцати городах Тайваня были созданы рабочие комитеты, которые имели 205 ячеек и 10 вооруженных баз по всему острову²¹. Во главе стоял Рабочий комитет провинции Тайвань, ос-

нованный одним из деятелей Коммунистической партии Тайваня — Цай Сяоцянем²². За период с февраля 1947 г. по август 1949 г. количество членов организации возросло с 70 до 900 чел.²³

Основными причинами поражения организации, по мнению следователей спецслужб ГМД, явились нехватка военной подготовки у руководителей Комитета, недостаток политического воспитания среди членов организации и отсутствие у рабоче-крестьянских масс опыта ведения борьбы.

Чжан Цзинцзюэ, приговоренная к 15 годам заключения за участие в коммунистической организации, в своих воспоминаниях также отмечает недостаток партийного воспитания среди членов Комитета, из-за чего те очень быстро “раскалывались” на допросах²⁴. Прием в организацию был крайне нестрогим, что объяснялось надеждой Цай Сяоцяня на скорое присоединение Тайваня к КНР. По его мнению, если проводить слишком серьезный отбор, то можно было не успеть подготовиться к этому событию. Поэтому в ряды организации принимались все недовольные правительством элементы. По некоторым свидетельствам, среди участников организации были даже члены преступных обществ.

Примечательна характеристика, данная Цай Сяоцяню служащим спецслужб ГМД Гу Чжэнвэнем, который участвовал в проведении почти всех основных процессов 1950-х гг., связанных с “коммунистическим мятежом”. Он отмечал чрезмерную любовь к роскоши, присущую лидеру “левого” движения на Тайване. По мнению Гу Чжэнвэня, если бы КПК прислала на остров человека, который обладал хотя бы частью таланта Чжоу Энляя, то история могла бы иметь другой ход развития²⁵.

Члены коммунистических организаций обычно не занимались ничем особым, кроме проведения собраний, на которых устраивались чтения марксистских книг. Многие участники организаций тайваньского происхождения зачастую не вполне понимали, о чем идет речь, поскольку не владели государственным языком (“гоюй”)²⁶. Во многих учреждениях существовали занятия по изучению государственного языка, которые проводились преподавателями с материка. После занятий некоторые преподаватели, принадлежавшие к подпольному коммунистическому движению на острове, проводили собрания, на которых рассказывали о коррупционности ГМД, о прогрессе коммунистов на материке и т.п.

Сведения, сохранившиеся в воспоминаниях бывших членов подпольного “левого” движения на Тайване, отличаются от информации официальных документов, составленных спецслужбами ГМД, в которых пропагандистская деятельность коммунистов на острове описывается как очень активная. Так, говорится о том, что они распространяли листовки, расклеивали по всему острову плакаты с коммунистическими лозунгами и пр.²⁷

Таким образом, после поимки Цай Сяоцяня спецслужбы довольно быстро арестовали большинство деятелей коммунистических организаций на острове, тем самым фактически покончив с тайваньским коммунистическим движением. Однако преследования людей по обвинениям в причастности к “коммунистическому мятежу” продолжались на протяжении всего периода 50-х гг. XX в. Цзян Цзинго объяснял продолжение политических репрессий тем, что шпионы КПК беспрестанно проникали на Тайвань, что вряд ли соответствует истине, поскольку все порты острова находились под крайне строгим контролем. Особенно это касалось сообщения с материковым Китаем. Даже если сотрудникам спецслужб КНР удавалось попасть на остров, то наверняка не в том количестве, в котором подвергались арестам подозреваемые в “коммунистическом шпионаже”.

Внутрипартийная борьба

Среди дел, связанных с обвинениями в коммунизме, особую группу представляют процессы, зачастую необоснованные, подсудимыми в которых выступают лица, занимавшие высокие посты в ГМД и в армии. Это позволяет сделать вывод, что “белый террор” не только применялся по отношению к “левым” элементам, но и использовался как средство внутренней борьбы в партии и среди военного руководства. Наиболее показательными в данной группе процессов являются дела Ли Юбана и Сунь Лижэня, которым были предъявлены обвинения в попытке “коммунистического мятежа”.

Ли Юбан (1906—1952) — уроженец Тайбэя — активно участвовал в антияпонском движении во время японского колониального господства на острове. В 20-е гг. XX в. бежал на материк, где учился в военной школе Вампу. Принимал активное участие в войне сопротивления Японии, после окончания которой вернулся на Тайвань, где занимался работой по приему оставленного японцами имущества. Ли Юбан был арестован 18 ноября 1951 г. К тому моменту он занимал должности заместителя председателя партийной организации ГМД в провинции Тайвань, председателя правления газеты “Синьшэнбао” (“Новая жизнь”), председателя правления Китайского туристического агентства (“Чжунго луйсиншэ”), а также председателя правления Тайваньской кинокомпании (“Тайвань дяньинг гунсы”). Поводом к аресту Ли Юбана послужило задержание по делу Тайваньского рабочего комитета его жены Янь Сюфэн, которая была приговорена к 15 годам лишения свободы. Ли Юбан был расстрелян 22 апреля 1952 г. за “привлечение молодежи к вступлению в компартию”, за “незаконную шпионскую деятельность под прикрытием партийной организации ГМД в провинции Тайвань”, за сбор информации о воинских силах Китайской Республики и передачу этих данных коммунистам через свою жену Янь Сюфэн²⁸.

Гу Чжэнвэнь в своих воспоминаниях подробно описывает ход дела Ли Юбана. Он отмечает, что Янь Сюфэн в своих показаниях категорически отрицала причастность ее мужа к “левому” движению. Невинность Ли Юбана была налицо. Однако Чан Кайши лично отдал приказ о его расстреле, считая, что “если муж — коммунист, то жена обязательно является коммунисткой, но если жена — коммунистка, то муж наверняка также является коммунистом”. По мнению Гу Чжэнвэня, Ли Юбан пал жертвой нерешительности Цзян Цзинго, который в то время являлся председателем партийной организации ГМД в провинции Тайвань и не смог защитить перед отцом своего подчиненного²⁹.

Сунь Лижэнь (1900—1990) — один из самых выдающихся командующих войсками ГМД в период Антияпонской и Гражданской войн. В 1950 г. он был назначен на должности главнокомандующего сухопутными войсками и командующего обороной Тайваня. В 1954 г. был снят с этих постов и назначен на незначительную должность военного советника в администрации Президента, после чего в 1955 г. был заключен под домашний арест по обвинению в “коммунистическом мятеже”. По некоторым версиям, Сунь Лижэнь не был приговорен к смертной казни, потому что пользовался поддержкой со стороны руководства американской армии, и его расстрел мог бы повлиять на отношения между США и Тайванем.

Вместе с Сунь Лижэнем аресту подверглись 35 его подчиненных. Именно их имена указаны в Обвинительном заключении Министерства обороны по делу Сунь Лижэня, но не имя самого главного подсудимого. Все они обвиняются в связях с коммунистическими шпионами и в планировании военного переворота³⁰.

Главным “инициатором” действий против Сунь Лижэня, по мнению Гу Чжэнвэня, был глава Управления охраны порядка Тайваньского гарнизона Пэн Мэнцзи. Однако, как отмечает Гу Чжэнвэнь, Сунь Лижэнь при аресте одного за

другим своих подчиненных проявил себя недостаточно смело, не выступил в их защиту, тем самым дав козыри в руки своих противников³¹. Существует также мнение, что сам Чан Кайши опасался укрепления положения Сунь Лижэня, который, используя свои тесные связи с американцами, мог создать угрозу власти президента Китайской Республики.

В 1988 г. Сунь Лижэнь был освобожден из-под домашнего ареста, а в 1989 г., после смерти Цзян Цзинго, его дело было пересмотрено и признано необоснованным.

Оценки количества жертв “белого террора” на Тайване и их социальный состав

Назвать точное количество политических заключенных, расстрелянных в период “белого террора”, особенно в 50-е гг. XX в., невозможно. Это связано с тем, что нет материалов, в которых можно было бы в полном объеме найти подобные данные. Если такие источники и существуют, то они пока не открыты для исследователей и широкой публики. Кроме того, существуют данные об уничтожении многих архивных материалов, касающихся дел, по которым были вынесены смертные приговоры.

Так, данные о количестве расстрелянных по обвинению в “коммунистическом мятеже” имеются в ежегодных рабочих докладах Генерального штаба Тайваньского гарнизона, опубликованных в Собрании исторических материалов о политических процессах 1950-х гг. в период военного положения на Тайване. Однако в данном сборнике приводятся доклады лишь за шесть лет (с 1949 по 1954 гг.), сведения о количестве смертных приговоров в них явно занижены. Так, в докладе за 1953 г. указано, что с 1949 по 1953 г. по обвинению в “коммунистическом мятеже” было расстреляно 578 человек³².

Большинство современных тайваньских исследователей приводят следующие статистические данные о количестве жертв “белого террора”. По их оценкам, в 1950-х гг. было расстреляно 4—5 тыс. политических заключенных (причем большинство было казнено в первой половине 50-х гг. XX в.), и более 8 тыс. человек были приговорены к тюремным срокам свыше 10 лет.

Что касается оценок официальных властей (периода нахождения у власти ДПП), то согласно опубликованному 21 июня 1989 г. докладу Министерства юстиции Исполнительного юаня, за период действия военного положения на Тайване было рассмотрено 29 407 политических дел, количество жертв составляет около 140 тыс. чел.³³

Существует еще ряд оценок количества жертв “белого террора”. Так, например, Цзян Цзинго в 1976 г. опубликовал сведения, согласно которым с 1949 г. по обвинению в “коммунистическом мятеже” было расстреляно 254 чел.: в 1974 г. — 21, в 1975 г. — 41, в 1976 г. — 33³⁴. Однако эти данные не представляются вполне достоверными.

Несмотря на то, что многие тайваньские исследователи признают наличие большого количества выходцев с материка среди политических заключенных периода военного положения на острове, однако, по некоторым воспоминаниям, может сложиться мнение, что “белый террор” — это период подавления коренных тайваньцев “вайшэнжэнями”. На самом деле это не так. В 1950-е гг., как и в последующие периоды, значительную часть политических заключенных наряду с коренными тайваньцами составляли выходцы с материка. Это особенно характерно для первой половины 1950-х гг. В начальный период после эвакуации правительства Китайской Республики на Тайвань оно придерживалось правило неприменения высшей меры наказания по отношению к лицам тайвань-

ского происхождения, поскольку последние якобы плохо представляли себе положение дел на материке и были “обманным путем” склонены к “левым” идеям. Поэтому большинство расстрелянных в 1949 — начале 1950-х гг. принадлежали к числу “вайшэнжэней”.

В некоторых ежегодных рабочих докладах Генерального штаба Тайваньского гарнизона приводятся сведения о месте рождения политических заключенных, арестованных по обвинению в причастности к коммунистическим организациям. Так, согласно материалам данного сборника за 1951—1953 гг., из 3070 арестованных по обвинению в “коммунистическом мятеже” 2061 человек принадлежали к числу “бэньшэнжэней”, 1002 человека относятся к числу “вайшэнжэней”. Таким образом, выходцы с материка составляли примерно треть политических заключенных в начале 1950-х гг.³⁵

Большинство арестованных по обвинениям в причастности к “коммунистическому мятежу” принадлежали к числу интеллигенции из семей небогатых помещиков. Лиц крестьянского и рабочего происхождения среди политических заключенных было крайне мало. Поскольку, как уже говорилось выше, “белый террор” использовался также как средство внутренней борьбы в партии и в армии, то среди арестованных в 1950-е гг. было много государственных служащих и военных, большинство из которых принадлежали к числу “вайшэнжэней”.

Антикоммунистическая пропаганда и атмосфера страха на Тайване в 1950-е гг.

Потерпев поражение от КПК в Гражданской войне и эвакуировавшись на Тайвань, ГМД постоянно (особенно до начала Корейской войны в июне 1950 г.) испытывал страх возможного нападения коммунистов с материка и пытался внушить этот страх и ненависть к КПК всему населению острова. Кроме того, руководство ГМД объявило своей целью контрнаступление на материк. Этим и объяснялась активная антикоммунистическая пропаганда, развернутая правительством Китайской Республики на Тайване.

В те годы на острове допускалось лишь существование антикоммунистической литературы. ГМД считал, что одной из причин его поражения на материке было слабое использование им литературы в качестве средства пропаганды, как это делали коммунисты. Поэтому на острове стали всячески поощрять авторов произведений, в которых воспевались Три народных принципа Сунь Ятсена и обличались “преступления” Коммунистической партии. При этом чтение и распространение книг всех материковых писателей, среди которых были Лу Синь, Ба Цзинь, Мао Дунь, Лао Шэ и др., было строго запрещено такими документами, как “Закон об издательской деятельности” и “Меры контроля за печатными изданиями на Тайване в период военного положения”. То же касалось и переводов иностранной литературы, выполненных людьми, лояльными к коммунистической власти.

Официальные газеты, такие как “Чжунъян жибао” (Центральная ежедневная газета) и “Синьшэн бао” (“Новая жизнь”) пестрели заголовками о зверствах коммунистов в Китае и в СССР, призывали к активной борьбе с КПК и освобождению материка от ее власти. Постоянно появлялись “новости” о деятельности “коммунистических шпионов” на Тайване. Так, например, из шести страниц газеты “Чжунъян жибао” от 1 октября 1950 г. нет ни одной, на которой не было бы статьи о “гунфэй” или “эфэй” (то есть о китайских и русских “коммунистических бандитах”). Кроме того, в газетах часто публиковались списки расстрелянных “коммунистических шпионов” с подробным описанием их подрыв-

ной деятельности. Такие списки также развешивались на вокзалах, рынках и в других общественных местах.

На острове повсюду можно было увидеть антикоммунистические лозунги, такие как: “Бороться против коммунизма и Советской России”, “Убьем Чжу и выдернем Мао³⁶”, “Коммунистический шпион рядом с тобой!”, “Выдача коммунистического шпиона — обязанность каждого!”, “Невыдача коммунистического шпиона приравнивается к шпионажу!” и др. В кинотеатрах каждый раз перед показом фильма на экране непременно появлялась надпись “Смерть пособникам коммунистических шпионов!”

В различных городах проводились движения пропагандистского характера по выдаче и ликвидации “коммунистических шпионов”. Так, например, в газете “Новая жизнь” от 9 октября 1951 г. сообщается об одном из таких движений в городе Гаосюне, которое должно было охватить “всех жителей города без исключения”. В статье говорится о намерении городских властей организовать собрание “движения по выдаче и ликвидации коммунистических шпионов”, а также провести “Неделю пропаганды”, посвященную данному движению³⁷.

В концентрационном лагере на Зеленом острове (Люддао), куда в 1950-е гг. отправляли большинство осужденных за причастность к “коммунистическому мятежу”, проводилось “промыывание мозгов” заключенных в форме регулярных занятий, содержание которых сводилось к изучению “трех народных принципов” Сунь Ятсена, речей и поступков Чан Кайши, истории ГМД, истории “вторжения” СССР в Китай, “злодеяний” КПК, критике “новой демократии” Мао Цзэдуна и т.д. Интересно, что занятия часто проводились самими политическими заключенными “высокого ранга”, то есть до ареста занимавшими руководящие посты в партии или в армии. Так, например, большой популярностью у заключенных пользовались занятия по истории (особенно по истории вторжения СССР в Китай), которые проводил бывший член ГМД Хун Гоши.

Многие из бывших политических заключенных считают, что, выходя из “маленькой тюрьмы”, они попадали в “большую тюрьму”, подразумевая под этим все тайваньское общество, живя в котором, они по-прежнему находились под контролем спецслужб, должны были регулярнокладывать последнее из своих действий. Многие работодатели, опасаясь проблем с властью, отказывались брать на службу людей, отбывших наказание по статьям, связанным с “коммунизмом”. Особенно сложно было устроиться на работу представителям интеллигенции, тем, кто до ареста был преподавателем, врачом, государственным служащим и т.д. Если им удавалось вновь заняться своей профессиональной деятельностью, то это происходило не в крупных городах, а в глубокой провинции.

Читая воспоминания бывших политических заключенных, можно заметить, что большинство авторов концентрируют свое внимание на диктаторской политике ГМД, на бесчеловечном отношении к арестованным, на несчастной судьбе подавляемого населения Тайваня и т.д. При этом тех, кто, признавая свое участие в коммунистических организациях, подробно описывал бы деятельность этих подпольных объединений, крайне мало. Некоторые вообще отказываются говорить о том, состояли ли они в действительности в коммунистических организациях или нет. Это главным образом связано с некоторой неприязнью по отношению к коммунистам, которая сохраняется на острове до сих пор в результате антикоммунистической пропаганды правительства Китайской Республики в годы действия военного положения.

“Белый террор” — несомненно важная страница в истории Тайваня, с которой связаны жизни многих людей, озабоченных судьбой не только самого острова, но и всего Китая. Несмотря на то, что “белый террор” на Тайване несо-

поставим по масштабу с политическими репрессиями в материковом Китае того же периода, исследование данной темы не просто способствует пониманию современных политических процессов на Тайване, но и может помочь в дальнейшем сопоставительном изучении двух берегов Тайваньского пролива.

1. Началом инцидента 6 апреля считается 21 марта 1949 г., когда полиция арестовала двух студентов, ехавших на одном велосипеде, что являлось нарушением правил. На следующий день по требованиям студенческой демонстрации арестованных отпустили. Однако митинги не прекратились, студенты требовали публичного извинения начальника полицейского участка. Как вспоминают участники событий, в толпе звучали коммунистические песни, в том числе “Интернационал”. 5 апреля 1949 г. начались аресты среди студентов Педагогического института, но одному из арестованных удалось бежать. Он вернулся в свое общежитие, куда на следующий день — 6 апреля явились полицейские со списком людей, подлежащих аресту. Студенты Педагогического института оказали сопротивление, было арестовано более 100 чел., большинство из которых вскоре были выпущены на свободу. Аресты также производились и в Тайваньском университете, где, по разным данным, по списку было задержано 11–14 чел. (в основном, члены хорового кружка, в репертуаре которого было много коммунистических песен); большинство из них принадлежали к числу “вайшэнжэней” (китайцев, прибывших на Тайвань вслед за остатками армии ГМД в 1949 г.) В итоге около 20 студентов Тайваньского университета, Педагогического института и некоторых других учебных заведений провели в тюрьмах от нескольких месяцев до нескольких лет по обвинению в поддержке коммунистических идей.
2. Лэй Чжэнь (1897–1979) — уроженец провинции Чжэцзян, с 1920 г. член ГМД, с 1949 г. главный редактор журнала “Свободный Китай” (“Цзыю Чжунго”), в котором с середины 1950-х гг. начал публиковать статьи, осуждающие однопартийную диктатуру ГМД и Чан Кайши лично. Лэй Чжэнь выступал также против партийного контроля в армии и молодежных организациях. Кроме того, он был одним из инициаторов создания Китайской демократической партии (“Чжунго миньчжудан”), которая должна была составить оппозицию ГМД. В сентябре 1960 г. Лэй Чжэнь был арестован и приговорен к 10 годам лишения свободы по обвинениям в “коммунистической пропаганде” (за то, что опубликовал статью, в которой говорил о нереальности возвращения на материк) и в “недоносительстве на коммунистического шпиона” (им был объявлен бухгалтер редакции “Свободного Китая” Лю Цзыин).
3. Движение “беспартийных” (регистрация новых политических партий была запрещена) оформилось в 1970-х гг. В него входили лица, выступающие против существующей системы власти (Ли Ао, Инь Хайгуан), а также за независимость Тайваня (Ши Миндэ). Именно активисты “беспартийного” движения, в число которых входили президент и вице-президент Тайваня в 2000–2008 гг. Чэнь Шуйбянь и Люй Сюлянь, образовали в 1986 г. Демократическую прогрессивную партию (ДПП). *Цзян Тяньлу*. Наньин байсэ кунбу [Белый террор в Тайване]. Тайнань, 2000. С. 16–17.
4. “Бэньшэнжэни” (“люди этой (нашей) провинции”) — традиционное название для жителей Тайваня китайского происхождения, предки которых переселились на остров в основном в эпохи Мин (1368–1644) и Цин (1644–1911). “Вайшэнжэнями” (“людьми внешних провинций”) называют ту часть населения, которая прибыла на Тайвань после 1945 г. Большую часть этих людей составляют члены семей военных и чиновников, эвакуировавшихся на остров после поражения ГМД на материке в 1949 г. Несмотря на значительное улучшение за последние несколько десятилетий отношений между “вайшэнжэнями” и “бэньшэнжэнями”, они все еще остаются напряженными. Это связано с тем, что после окончания Второй мировой войны выходцы с материка заняли основные руководящие должности и сосредоточили в своих руках большую часть экономических ресурсов Тайваня, оставшихся в наследство от японского колониального господства. Причиной напряженных отношений между этими двумя группами явля-

- ются также жестокие действия китайской армии при подавлении волнений 28 февраля 1947 г.
5. *Ху Хуэйлин*. Даюй айлянь [Любовь к острову]. Тайбэй, 1995. С. 9.
 6. *Цзянь Хоуцун*. Тайвань ши [История Тайваня]. Тайбэй, 2001. С. 746–747; *Линь Шань-тянь*. Уши нянь лайдэ Тайвань фачжи [Законодательство Тайваня за последние 50 лет]. Тайбэй, 1995. С. 35.
 7. Дунъюань каньлуань шици линьши тяокуань [Временные положения, действительные на период мобилизации для подавления коммунистического мятежа]. – <http://www.chinesefreeewebs.com/jyfd/c0-0.htm>.
 8. Уголовный кодекс Китайской Республики. – <http://law.moj.gov.tw/Scripts/>.
 9. Чэнчжи паньлуань тяоли [Положения о наказании мятежников] // Фэн чжун дэ куци: улин няньдай Синьчжу чжэнчжи аньцзянь [Плач на ветру: политические процессы 1950-х годов в Синьчжу]. Синьчжу, 2002. С. 613.
 10. Там же. С. 613–614.
 11. Каньлуань шици цзяньсу фэйде тяоли [Положения о выдаче и ликвидации коммунистических шпионов в период подавления мятежа] // Фэн чжун дэ куци: улин няньдай Синьчжу чжэнчжи аньцзянь [Плач на ветру: политические процессы 1950-х годов в Синьчжу]. С. 617–619.
 12. Тайвань дицой цзянь шици улин няньдай чжэнчжи аньцзянь шилiao хуэйбянь [Соборание исторических материалов о политических процессах 50-х гг. в период военного положения на Тайване в 5 т.]. Наньтоу, 1998. Т.1. С. 43.
 13. Цзюньтун [Контрольно-статистическое бюро Военного совета Национального правительства или Военно-статистическое бюро] и Чжунтун [Контрольно-статистическое бюро ЦИК ГМД] — органы спецслужб ГМД, образованные соответственно в 1938 г. во главе с Дай Ли (после его гибели в 1946 г. было возглавлено Мао Жэньфэном) и в 1928 г. во главе с Чэнь Лифу.
 14. *Тан Чжуго*. Цзуйгао цзими: гаоцзе дебаюань шоуду гункай Гоминьдан цинбао миши [Особо секретно: высокопоставленный разведчик впервые говорит о секретной истории разведки ГМД]. Тайбэй, 1997. С. 3.
 15. *Ли Ао*. Байсэ кунбу шу ци [Повествование об ужасах белого террора]. Тайбэй, 2002. С. 5, 35.
 16. *Хоу Куньхун*. Чжаньхоу Тайвань байсэ кунбу луньси [Анализ белого террора в послевоенном Тайване] // Гошигуань сюэшу цзикань [Научный сборник Тайваньской академии истории]. 2007. Июнь. № 12. С. 149.
 17. *Wachman А.М.* Taiwan: National Identity and Democratization. London, 1994. P. XI.
 18. *Цзян Тяньлу*. Наньин байсэ кунбу [Белый террор в Тайване]. С. 32–33.
 19. Байсэ фэнъинь; жэньцюань фэньдоу чжэнъянь; байсэ кунбу 1950 [Белый отпечаток; свидетельства борьбы за права человека; белый террор в 1950-х гг.]. Тайбэй, 2003. С. 16.
 20. Так, например, Цзянь Цзи — лидер крестьянского левого движения на Тайване в период японского колониального господства, который с 1949 г. возглавлял Рабочий комитет горных районов, был расстрелян в 1950 г. по обвинению в “коммунистическом мятеже”.
 21. *Лань Бочжоу*. Байсэ кунбу [Белый террор]. Тайбэй, 1993. С. 66.
 22. Цай Сяоянь (1908–1982) — уроженец уезда Чжанхуа провинции Тайвань, был одним из руководителей Коммунистической партии Тайваня (осн. в 1928 г.), после раскола которой бежал на материк, где присоединился к КПК. После окончания Антияпонской войны (1937–1945) был направлен на Тайвань для развертывания там коммунистического движения. В сентябре 1946 г. прибыл на остров, где и начал работу как один из руководителей Рабочего комитета провинции Тайвань. В результате раскрытия организации спецслужбами ГМД был арестован в январе 1950 г., вскоре после чего согласился на сотрудничество с властями и выдал многих членов Комитета. В газетах было опубликовано его воззвание к участникам тайваньских коммунистических организаций с призывом добровольно сдаться властям. Впоследствии работал в Бюро разведки в группе исследования коммунизма.

23. Тайвань дицйой цзеяннь шици улин няньдай чжэнчжи аньцзянь шилиао хуэйбянь [Собрание исторических материалов о политических процессах 50-х гг. в период военного положения на Тайване в 5 т.]. Т.1. С. 60.
24. Один из бывших политических заключенных в своих воспоминаниях также отмечал, что многие члены коммунистических организаций “с радостью” давали показания. Поэтому среди них было мало подвергавшихся пыткам, но много расстрелянных (Ли Ао Байсэ кунбу шу ци [Повествование об ужасах белого террора]. С. 251).
25. Гу Чжэнвэнь. Байсэ кунбу мими данъянь [Секретные материалы о белом терроре]. Тайбэй, 1995. С. 85.
26. Средством бытового общения жителей Тайваня (особенно его южной части) до сих пор остается южнофуцзяньский диалект (“миньнаньхуа” или “тайюй”). Во время японского колониального господства официальным языком Тайваня был язык метрополии. С 1945 г. ГМД объявил обязательным для всех жителей острова владение государственным языком (“гоюй”).
27. Тайвань дицйой цзеяннь шици улин няньдай чжэнчжи аньцзянь шилиао хуэйбянь [Собрание исторических материалов о политических процессах 50-х гг. в период военного положения на Тайване в 5 т.]. Т. 1. С. 5–6.
28. Аньцюаньцзюй цзими вэньцзянь [Секретные материалы Бюро государственной безопасности]. Тайбэй, 1991. С. 126–127.
29. Гу Чжэнвэнь. Указ. соч. С. 118–119.
30. Гофанбу “Суньянь” цисушу[(Обвинительное заключение Министерства обороны по делу Сунь Лижэня] // Суньянь яньцзю [Исследования по делу Сунь Лижэня]. Тайбэй, 1998. С. 208.
31. Гу Чжэнвэнь. Указ. соч. С. 179.
32. Тайвань дицйой цзеяннь шици улин няньдай чжэнчжи аньцзянь шилиао хуэйбянь [Собрание исторических материалов о политических процессах 50-х гг. в период военного положения на Тайване в 5 т.]. С. 13–145.
33. Байсэ кунбу: тэу тунчжидэ хэйань шидай [Белый террор: темная эпоха правления спецслужб]. Тайбэй, 2005. С. 7.
34. Там же. С. 7.
35. Тайвань дицйой цзеяннь шици улин няньдай чжэнчжи аньцзянь шилиао хуэйбянь [Собрание исторических материалов о политических процессах 50-х гг. в период военного положения на Тайване в 5 т.]. Т. 1. С. 46,59,124.
36. Имеются в виду Мао Цзэдун и один из руководителей НОАК (Народно-освободительной армии Китая) Чжу Дэ. Если воспринимать этот лозунг на слух, не видя его письменного изображения, то его можно понять как “Убьем свиней и выдернем волосы”. Слог “чжу” в китайском языке имеет много значений, одно из наиболее распространенных — “свинья”, а фамилия Мао Цзэдуна переводится как “волосы”, “шерсть”, “пух”.
37. В Гаосюне разворачивается движение по выдаче и ликвидации коммунистических шпионов // “Синьшэн бао” 1951. 9 окт. С. 3.